

Эдгар Аллан По

Мистика моря

рассказы

Художник В. Золотухин

АРКАДИЯ
Санкт-Петербург
2020

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)
П41

Edgar Allan Poe
MS. FOUND IN A BOTTLE
KING PEST
A DESCENT INTO THE MAELSTRÖM

Перевели с английского
Константин Бальмонт,
Эстер Бер и Мария Богословская

Иллюстрации художника
Владимира Золотухина

По Э. А.

П41 Мистика моря : [рассказы] / Эдгар Аллан По; [пер. с англ. К. Бальмонта, Э. Бер и М. Богословской]. — СПб. : Аркадия, 2020. — 112 с. — (Серия «Black&White»).

ISBN 978-5-907143-49-4

Море, прекрасная, грозная, неукротимая стихия, и люди, которые все же рискуют бросить ей вызов — отчаянные, способные противостоять любой сверхъестественной силе, — очаровывали признанного мастера «мрачного» романтизма Эдгара Аллана По еще в детстве. Мальчиком писатель с упоением слушал байки и леденящие кровь предания моряков, которые заходили по делам к его приемному отцу, а позже, опираясь на собственные впечатления, создал пропитанные мистикой и мрачным юмором произведения, которые вошли в этот сборник.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7США)

© Э. Бер, наследники, перевод, 2020
© М. Богословская, наследники,
перевод, 2020
© Издание на русском языке,
составление, оформление.
ООО «Издательство Аркадия», 2020

ISBN 978-5-907143-49-4

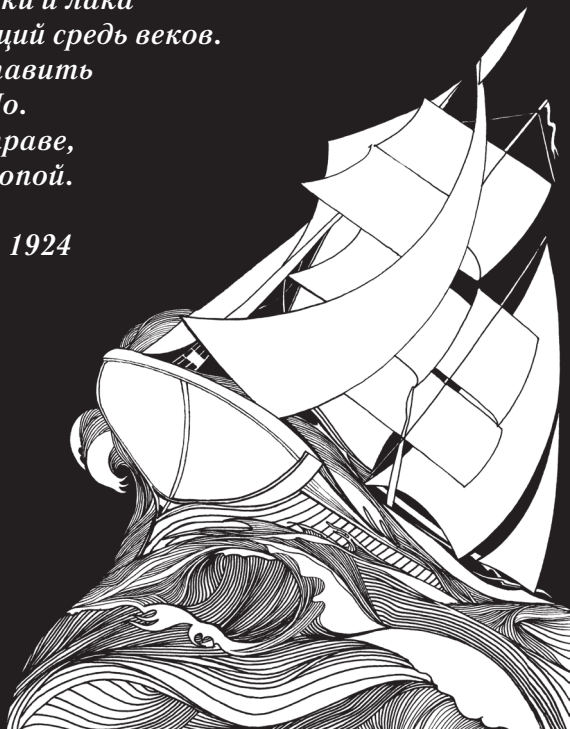
Есть на земле роскошный, навевающий мистический ужас, цветок, с одуряющим запахом, уродливый и до безумия, до содрогания красивый — порождение тайных сил тропической природы. Цветок этот — орхидея. Так красивы в своем мистико-безумном содрогании и орхидеи мировой литературы — произведения Эдгара По.

Пётр Кузько, 1909

***

*Вспомним с молитвой Эдгара,
С молитвой безумий и зла!
С дыханием бедноугара,
Где честность неуязвима!!
    Поэт путешествий и мрака,
    Захватчик всех бедняков,
    Без полировки и лака
    Не исчезающий средь веков.
Будем читать и славить
Великого Эдгара По.
Делать мы это в праве,
Идя талантов тропой.*

Давид Бурлюк, 1924

Манускрипт, найденный в бутылке

Перевод К. Бальмонта

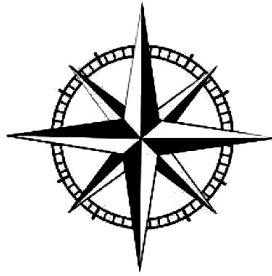
Qui n'a plus qu'un moment à vivre
N'a plus rien à dissimuler.

Quinault, Atys¹

---

¹ Кому осталось жить одно мгновенье,
Тому уж нечего скрывать.
Кино, «Атис». (франц.)

О моей родине и о моей семье мне почти нечего сказать. Постоянные злополучия и томительные годы отторгнули меня от одной, и сделали чужим для другой. Родовое богатство дало мне возможность получить воспитание незаурядное, а созерцательный характер моего ума помог мне систематизировать запас знаний, который скопился у меня очень рано, благодаря неустанным занятиям. Больше всего мне доставляли наслаждения произведения германских философов; не в силу неуместного преклонения перед их красноречивым безумием, но в силу той легкости, с которой мое строгое мышление позволяло мне открывать их ошибки. Меня часто упрекали в сухости моего ума; недостаток воображения постоянно вменялся мне в особенную вину; и пир-

ронизм моих суждений² всегда обращал на меня большое внимание. Действительно, сильная склонность к физической философии, я боюсь, отметила мой ум весьма распространенной ошибкой нашего века — я разумею манеру подчинять принципам этой науки даже такие обстоятельства, которые наименее дают на это право. Вообще говоря, нет человека менее меня способного выйти из строгих пределов истины и увлечься блуждающими огнями суеверия. Я счел нужным предпослать эти строки, потому что иначе мой невероятный рассказ стал бы рассматриваться скорее как бред безумной фантазии, нежели как положительный опыт ума, для которого игра воображения всегда была мертвой буквой.

После нескольких лет, проведенных в скитаниях по чужим краям, я отплыл в 18... году от Батавии³, из гавани, находящейся на богатом и очень населенном острове Яве — держа путь к архипелагу Зондских островов. Я отправлялся, как пассажир — не имея к этому никакой иной побудительной причины, кроме нервного беспокойства, которое преследовало меня, как злой дух.

Наше судно представляло из себя очень солидный корабль, приблизительно в четыреста тонн, скрепленный медными склепками, и выстроенный из малабарского тика в Бомбее. Судно было

---

² То есть скептицизм. Пиррон (ок. 365–275 до н. э.) — древнегреческий философ, основатель античного скептицизма.

³ Батавия — голландское название города Джакарта в Индонезии.

нагружено хлопчатой бумагой и маслом, с Лакедивских островов⁴. Кроме того, в грузе были кокосовые охлопья, кокосовые орехи, тростниковый сахар, и несколько ящиков с опиумом. Нагрузка была сделана неискусно, и благодаря этому корабль накренялся.

Мы отплыли под дуновением попутного ветра, и в течение нескольких дней шли вдоль восточного берега Явы, причем единственным развлечением, сколько-нибудь нарушавшим монотонность нашего путешествия, были случайные встречи с тем или с другим из небольших грабов, плавающих по Архипелагу, к которому мы были прикованы.

Однажды вечером, облокотясь на гакаборт, я следил за странным облаком, одиноко видневшимся на северо-западе. Оно было замечательно, как по своему цвету, так и потому, что оно было первым облаком, которое мы увидели, с тех пор как отплыли из Батавии. Я внимательно наблюдал за ним до заката солнца, и тут оно мгновенно распространилось к востоку и к западу, опоясав горизонт узкой полосой тумана, и приняв вид длинной линии отлогого берега. Внимание мое вскоре после этого было привлечено видом багрового месяца и особенным характером моря. С этим последним совершалась быстрая перемена, и вода представлялась более чем обыкновен-

---

⁴ Лакедивские острова — группа низменных островов в Аравийском море у западного побережья полуострова Индостан.

но прозрачной. Хотя я совершенно явственно мог видеть дно, тем не менее, опустивши лот, я нашел, что корабль находился на пятнадцати сажнях глубины.

Воздух сделался невыносимо душливым и был насыщен спиральными испарениями, подобными тем, которые поднимаются от раскаленного железа. С приближением ночи самое легкое дуновение ветра умерло, и более невозмутимого спокойствия невозможно было себе представить. Пламя свечи горело на корме без малейшего колебания, и длинный волос, будучи положен между большим пальцем и указательным, висел так неподвижно, что нельзя было уловить даже самого слабого трепетания. Однако, по словам капитана, ничто не предвещало опасности, и, так как мы плыли лагом к берегу, он отдал приказание убрать паруса, и ослабить якорь. Не было поставлено ни одного часового, и весь экипаж, состоявший главным образом из малайцев, нарочно улегся на палубе. Я сошел вниз — и, должен сказать, в душе у меня было полное предчувствие беды. На самом деле, все говорило мне о приближении самума. Я высказал свои опасения капитану; но он не обратил на мои слова никакого внимания, и даже не удостоил меня ответом. Как бы то ни было, благодаря беспокойству, я не мог уснуть, и около полночи отправился на палубу. Когда я взошел на последнюю ступеньку трапа, находившегося возле капи-

танской каюты, я был поражен громким и глухим шумом, подобным быстрому рокоту мельничного колеса, и прежде чем я успел подумать, что это значит, я почувствовал, как корабль задрожал до основания. В следующее мгновение, бешеный вал, покрытый барашками, опрокинул корабль на бок и, промчавшись спереди и сзади, точно гигантской метлой, мгновенно очистил всю палубу с носа до кормы.

Крайнее бешенство вихря в значительной степени обеспечило целостность корабля. Хотя он весь окунулся в воду, однако, через несколько мгновений, после того как мачты опрокинулись на борт, он тяжело поднялся из моря и, содрогаясь под исполинским давлением бури, в конце концов, совершенно выпрямился.

Каким чудом я спасся от гибели, не могу объяснить. Оглушенный ударом водного потока, я тотчас же очнулся, и увидел себя стиснутым между старнпостом⁵ и рулем. С великим затруднением я высвободил свои ноги, и, оглядевшись кругом потерянным взглядом, был, прежде всего, поражен мыслью, что вокруг нас свирепствует бурун, — так чудовищно было это невообразимое кружение исполинских тенистых масс океана, в смятение которых мы были втянуты. Через некоторое время, я услышал голос старика-шведа, который сел вместе с нами на корабль в ту самую минуту, когда

---

⁵ Брус, служащий главным основанием кормовой части.

мы оставляли гавань. Я стал кричать ему изо всех сил, и неверными шагами он подошел ко мне сзади. Вскоре нам пришлось убедиться, что только мы двое пережили это неожиданное событие. Исключая нас, весь экипаж, находившийся на палубе, был смыт — капитан и штурманы несомненно погибли во время сна, потому что каюты были залиты водой. Без какой-нибудь посторонней помощи мы вряд ли могли сделать что-нибудь для того, чтобы спасти корабль, и всякие усилия были сперва парализованы ежеминутным ожиданием гибели. Наш канат, конечно, лопнул, как тонкая бечевка, при первом же взрыве урагана, в противном случае мы тотчас же были бы поглощены морем. С ужасающей быстротой мы мчались теперь по морю и видели, как вода делает в корабле трещины. Сруб кормы был сильно расщеплен, и почти повсюду мы получили значительные повреждения; но к крайней нашей радости насосы не были повреждены, и в балласте не произошло значительных передвижений. Главное бешенство бури уже миновало, и со стороны ветра нам не угрожало особенной опасности; но мы с ужасом думали, что порывы вихря могут совсем прекратиться, так как не могли не видеть, что тогда корабль, в своем полуразрушенном состоянии, неминуемо погибнет под напором ужасающих валов. Однако, такое справедливое опасение, по-видимому, не должно было скоро оправдаться. Целые пять дней и пять